

Д. Д. Васильев

ТЮРКСКАЯ РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ ХЭНТЭЙ I

В отчете о полевых исследованиях в Хэнтэйском аймаке Монгольской Народной Республики Б. Я. Владимирцовым был отмечен тюркский археологический комплекс с сохранившимся каменным изваянием и развалинами погребального сооружения¹. Этнолингвистические исследования Б. Я. Владимирцова в этом районе были продолжены в 1949 г. К. В. Вяткиной, которая обнаружила тюркскую руническую надпись и впервые опубликовала (без чтения) ее прорисовку². Однако это не было (как предполагала автор публикации) новой находкой, надпись была известна еще полувеком ранее. Сообщение о памятнике имелось в отчете Д. А. Клеменца, где приводятся подробности его открытия³.

Текст, по зарисовке К. В. Вяткиной, с точки зрения тюрколога, выглядит недостаточно обоснованным для чтения: ряд знаков явно выпадает из графической системы тюркской руники данного региона, что объясняется нефаксимильным характером копии. Для зарисовок тюркской рунической эпиграфики это довольно распространенное явление, поскольку малые наскальные тексты и граффити высекались, как правило, не подготовленными специально резчиками, а случайными «бродячими грамотеями», по выражению С. Е. Малова⁴. Учитывая необработанную поверхность камня и отсутствие специальных инструментов (а в данном случае и то обстоятельство, что имелись попытки стереть надпись⁵), можно заметить, что при копировании тюркской рунической наскальной эпиграфики визуальная зарисовка почти всегда является слишком субъективной и недостаточной для работы текстолога.

Попытка чтения надписи по данной зарисовке все же была предпринята в 1959 г.⁶, однако интерпретация текста, фонетические орфографические нарушения при его чтении вызывают многочисленные возражения. Произвольное истолкование ряда знаков автором чтения объяснялось следующим образом: «Данная надпись обнаружена не на Енисее и не на Орхоне, а в районе к востоку от Улан-Батора, поэтому и знаки, которыми она написана, не совсем соответствуют орхонским или

¹ Б. Я. Владимирцов. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах.— «Северная Монголия», П. Л., 1927, с. 36—42.

² К. В. Вяткина. Кентейская руническая надпись.— «Филология и история монгольских народов» (Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова). М., 1958, с. 217, 218.

³ Д. А. Клеменц. Отдельная экскурсия в Восточную Монголию.— «Известия Академии наук», СПб., 1896, т. IV, вып. 1, с. 41—54.

⁴ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, с. 7.

⁵ К. В. Вяткина. Указ. раб., с. 218.

⁶ Фэн Цзя-шэн. Руническая надпись из Восточной Монголии.— «Сов. этнография», 1959, № 1, с. 3—6.

енисейским: в ней одновременно встречаются и те и другие, а некоторые и вовсе отличаются от тех и от других. Однако по этим двум строкам еще нельзя утверждать о наличии особой самостоятельной системы письма. Об этом можно будет говорить только тогда, когда будут сделаны другие находки»⁷.

К настоящему времени известно уже шесть образцов тюркской рунической эпиграфики восточнее Улан-Батора, они демонстрируют характерные аллографы и дукт монгольского региона распространения тюркской руники.

В 1968 г. было осуществлено сводное издание памятников тюркской рунической письменности, находящихся на территории МНР; данная надпись эстампирована член-кор. АН МНР Х. Пэрлээ, который ранее принимал участие в обследовании надписи одновременно с К. В. Вяткиной⁸. В результате нового издания текста стало возможным критически рассмотреть оба воспроизведения и предложить попытку реконструкции и чтения надписи:

1) *iči öz 'n² äñčü j²äñčü 'atm*

2) (*'nt²*)

3) *l²ü(?) üj'il'qa qun¹čüj¹*

Перевод:

«Ичи Оз Иненчю, мое жемчужное сокровище! В год дракона, женщина ханского рода».

Подобный тип имени отмечен в первом (по изданию В. В. Радлова) тексте комплекса Тайхир-чулуу (Хойто-Тамир) — «Ин Оз Иненчю»⁹. Орфографические варианты написания сходных частей имени в обеих надписях идентичны.

j²äñčü aγim — слово *j²äñčü* 'жемчуг', известное по памятнику Кюльтегину, встречается в древнетюркском названии Сырдарьи¹⁰; слово *aγi* — 'драгоценности, сокровища' — известно в рунике по одному из енисейских текстов¹¹.

Между двух строк текста, по зарисовке К. В. Вяткиной, высечена тамга; по копии монгольского издания — один из знаков рунического алфавита. Знак учтен нами, но он не вносит заметного изменения в текст. Возможно, что тамгообразное изображение частично стерлось, а сохранившаяся его деталь в последующем издании принята за графему.

l²ü(?) üj'il'qa — 'в год дракона'. Датирующие сочетания подобного типа неоднократно отмечались в рунических текстах¹². При передаче на письме тюркской графикой иноязычного слова со сложной фонетикой у автора надписи вполне естественно могла возникнуть неуверенность. По-видимому, третий знак строки был зачеркнут и его следует считать результатом колебаний писца.

Qun¹čüj¹ — 'принцесса, женщина ханского рода'. Слово широко распространено в древнетюркских рунических текстах с различными вариантами написания¹³.

⁷ Фэн Цзя-шэн. Указ. раб., с. 6.

⁸ «Les dessins pictographiques et les inscriptions sur les rochers et sur les stèles en Mongolie». — «Corpus scriptorum mongolorum», Ulaanbaatar, 1968, t. XVI, fasc. 1, p. 43.

⁹ Зарисовки этого текста комплекса Тайхир-чулуу см.: W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, III. StP., 1895, S. 261 (рис. Д. А. Клеменца); G. J. Ramstedt, J. G. Grano und P. Aalto. Materialien zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei. Helsinki, 1958, S. 74.

¹⁰ В. В. Бартольд. Древнетюркские надписи и арабские источники. — Соч., т. V, М., 1968, с. 294.

¹¹ С. Е. Малов. Указ. раб., с. 75.

¹² Например, в памятнике Кюльтегину (С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, с. 27, 33); во втором тексте комплекса Тайхир-чулуу (В. В. Радлов. Указ. раб., с. 261, 262) и др.

¹³ Некоторые варианты выделены И. А. Батмановым (И. А. Батманов. Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках. Фрунзе, 1971, с. 94, 95).

Памятник тюркской рунической письменности Хэнтэй I представляет собой памятную роспись-граффити на скале. Скала покрыта рисунками и, очевидно, имела культовое значение. Интерпретация памятника несколько осложняется отсутствием обычного в подобных текстах местоимения. Очень заманчиво предположить, что автором надписи была женщина (и текст из-за своей лаконичности допускает такую возможность), однако однотипное имя в первом памятнике комплекса Тайхир-чулуу (Хойто-Тамир) было ассоциативно связано с военным походом на Беш-Балык и не могло принадлежать женщине.

Интересно отметить близость памятника к хойто-тамирским текстам не только в выборе лексики, но и в палеографическом отношении. Общими могут быть названы редкие аллографы для j^1 , δ (последняя в слове *qun'cij¹*), незафиксированные в других памятниках.

При своей функциональной однозначности Тайхир-чулуу и Хэнтэй I (в обоих случаях — скалы, покрытые рисунками, тамгами и надписями) могли в равной степени привлекать паломников. Лексические и палеографические совпадения позволяют предположить возможность выполнения одной из хойто-тамирских и данной надписей одним лицом или же носителями общей культурно-письменной традиции, связанной с определенной региональной школой.
